

Уехали далеко не все. А кто-то уже возвращается. На днях из Израиля в Россию прилетел знаменитый ленинградский бард Евгений Клячкин. К сожалению, не навсегда. В минувшую среду ему исполнилось шестьдесят, и после серии юбилейных концертов он уедет обратно.

— Я доволен своими первыми днями в России выше крыши. Была чудесная встреча в Центре авторской песни, множество знакомых лиц, потом передача на «Радио России» с Таней Визбор...

Уехал я в апреле 1990 года, а последний раз был здесь в ноябре 1991-го, на совместном концерте израильских и советских артистов. Тогдашнее впечатление: люди оглушены, они попали на дно большой выгребной ямы и не представляют, какая грязь их еще ожидает. А сегодня при всех минусах чувствуется, что народ выбирается наружу и начинает дышать. Я еще не видел ваших нищих...

— И считайте, что вам повезло.

— Даже так? У нас много просящих подающие: по всем центральным улицам, около банков, крупных магазинов... Среди них есть мой хороший приятель Боря, бывший харьковчанин. Он альтист, когда-то аккомпанировал Дикштейну (Григорий Дикштейн, известный автор-исполнитель. — А. П.). Как, спрашиваю, дела, Боря? Нормально, отве-

чает, в плохие месяцы три тысячи шекелей в месяц, в хорошие — шесть. Для ясности: моя зарплата — две тысячи в месяц. Он как-то пошел в налоговое управление с вопросом, надо ли ему платить налоги. Над ним долго хохотали.

Я живу в одном из мест, которые здесь называют оккупированными территориями. Постоянные разговоры: будут — не будут отдавать... Каждый день езжу на службу за пятьдесят километров от дома. Я — инженер в муниципалитете города Рамат-Ган: ливневая, бытовая канализация и проч. На самом деле — бумажная работа.

— Зарплаты хватает?

— Конечно, нет. При всем том, что и жена работает. Как говорят мои знакомые, «на одну зарплату в Израиле прожить можно, на две — нет». Если б не концерты...

— Израиль, чувствуется, земля обетованная не только для евреев, но и для наших бардов. Кто там только не перебивал, а у Кима даже «израильский цикл» появился...

— Это не земля обетованная, а поле для деятельности. Семьсот тысяч говорящих по-русски — это для России капля в море, а для Израиля — огромная цифра. Если еще эта часть поднимется на ноги материально... У меня был шок в 92-м году, когда на мои концерты переста-

ли ходить. Нищие люди... Теперь полегчало: 2—3 концерта в месяц и чаще. А бывало, что и по полгода не выступал.

Этой страной надо проникнуться, полюбить ее. Как и любому человеку, впервые приехавшему из России в Израиль, барду там приходится тяжело. Легко живется тем, кто... Лет двадцать назад из Союза эмигрировал известный комик. В статье, опубликованной недавно в израильской газете, он написал так: «Я в России старался стоять поближе к кассе, и в Израиле тоже. А касса в руках израильтян. Поэтому русская алия (группа людей, переехавших на постоянное место жительства в Израиль. — А. П.) меня интересует мало». Ужасно мерзко и прямо сказано. А меня русские интересуют в первую очередь, многие потянулись за мной, и я не имею права не оправдывать их ожиданий.

— Когда речь идет об Израиле, у вас изредка чувствуется горечь в голосе. Были разочарования?

— Я приехал туда со строчками «Роши Хирмона зеленые — это моя страна. Камни, войной опаленные, — тоже моя страна... Капелькой на континенте, точною на глобусе. Вот только места хватит всем, поверьте! И попробуйте, попробуйте приехать к нам». А потом... Мне вообще не нравится эксплуатация человека человеком, а уж еврея евреем — тем более. Те, кто принижал нас там, быстро соригинировались... И месяца через четыре я писал уже: «Здравствуйте, славяне! С абсорбцией вас прямой... Евреями мы были там, в России, за кормой. Здесь же, в качестве нагрузки, докажи, что ты не русский. Словом — с возвращением домой!»

Жалко, что песни первого года не были поняты. Какое-то

время к ним прислушивались, потом настучали, — доброхоты везде есть, — и краник мне поприкрыли.

— Было что-то серьезное?

— Нет, в этом отношении Израиль — совершенно свободная страна. Если тебя что-то не устраивает, ты можешь об этом петь. Только, будь любезен, сам устраивай тогда свои концерты, плати аренду за зал, за аппаратуру и т. д. Когда я все просчитал, оказалось, что минимальная цена билета должна составлять 10 шекелей: для моих слушателей, недавно обустроившихся в Израиле, сумма неподъемная. Конечно, подобного рода концерты должны хотя бы отчасти субсидироваться государством.

Улучшение наступило совсем недавно, буквально с января этого года. Резких песен я в Израиле пою меньше, потому что крики первого года на четвертом году уже как-то не воспринимаются. Да и чиновники от культуры по привычке вроде. Похоже на Советский Союз — чего нельзя было петь в 81-м году, то можно в 85-м. Появилась и помощь вроде бесплатных залов.

А тогда я замолчал и не писал целых полтора года. Вот только месяц назад опять пошли песни.

— Значит, вас можно поздравить?

— Да...

— Когда вы уезжали, чего было больше — стремления что-то найти или от чего-то спастись?

— У меня есть строчка «Я ушел не от тех, кто кричал «Жиды!», а от тех, кто молчал, когда эти кричали».

Понимаете, в России меня держала прежде всего иллюзия того, что ты — человек, абсолютно необходимый всему народу. А если не все любят твои песни, то просто не все их еще знают. И казалось,

что все мы работаем в одном направлении: прекрасный писатель Василий Белов, чудесный художник Валентин Распутин, другие замечательные творцы...

И вдруг — как обухом по голове — дискуссия Астафьева и Эйдельмана. О чем речь? Почему «еврейчики»? Зачем слово-то такое?! Зачем, зачем, зачем??? И вдруг выясняется, что мы не в одну дуду... И мне говорят: «Не обращай внимания ты на этих «памятников», потреплются — перестанут». Это как — «не обращай»?

— Вы видите что-то новое, обнадёживающее в российской, «советской» авторской песне?

— К сожалению, я мало слушал новые записи. Очень нравятся Васильев и Ивашенко, такие талантливые, ослепительные ребята. Может, в следующий приезд смогу более определенно об этом судить.

— А он будет, «следующий»?

— Конечно! Три года «за бугром» для меня — большой срок. Заявлять, что «твоя родина Израиль»... Мы когда-то с семьей это обсуждали, а теперь уже и не дискутируем: родина одна: я родился в Ленинграде — не в Санкт-Петербурге даже, — я ленинградский бард, и отмечать юбилей здесь — святое дело. И когда мне предложили свою помощь в организации концертов здесь телепередача «Пресс-экспресс», газета «Труд» и компания «Чара», я был очень им признателен. Вообще я хочу наладить с Россией контакты не только бардовского, но и коммерческого плана.

— Есть конкретные проекты?

— Это пока секрет...

Разговор поддерживал
Андрей ПАВЛОВ.

Не гляди назад...

Бард Евгений Клячкин не внял своему предостережению